

Сирье Олеск (Тарту)
Текст советской Эстонии в культуре диаспоры.
Мысли и принципы

Настоящая статья рассматривает общую настроенность эстонских эмигрантов в отношении к родине на протяжении второй половины XX века. Принцип, особенно вначале и особенно среди представителей старшего поколения, был ясен: Эстония оккупирована, там властвуют коммунисты и с ними не может быть точек соприкосновения. С точки зрения литературы этот принцип выразил в 1955 г. живущий в Швеции писатель, редактор журнала и директор влиятельного издательства Бернارد Кангро: «Литературная Эстония не поделилась надвое — ее единственная возможность свободного существования — за пределами родины»¹.

На практике это все же не было так просто. Когда эмиграция приспособилась к новым условиям и стало ясно, что эмиграция продлится долго, возникли мысли о положении эстонской литературы здесь и там, об их взаимовлиянии и, наконец, о возможности единой эстонской литературы.

Эмиграция длилась полвека, и отношения с родиной в разное время и у разных поколений были различными. Динамика этих отношений и ее различные формы мною уже были описаны². Хотя весь этот клубок проблем можно рассматривать по-разному, в этой работе я сосредоточусь на том, как менялось отношение к родине и к литературе советской Эстонии у разных поколений. С определенным упрощением можно вычлениить три поколения — назовем их отцами, сыновьями (потому что дочерей почти не было, их удельный вес в эмигрантской литературе был непро-

© Sirje Olesk, 2010

© TSQ 34. Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ *Kangro, Bernard*. Arvud ja elu eesti pagulaskirjanduses. - Tulumuld 1955, nr 1, lk 45.

² *Olesk, Sirje*. Kahe Eesti kahekõne. - Looming 1999, nr 5, lk 738—753.

порционально мал) и внуками. Ниже будут описаны позиции всех трех поколений и конфликты, обусловленные этими позициями.

Прежде всего, три оговорки. Во-первых: отношения между СССР и прочим миром были политическими. Невозможно было просто поехать куда-нибудь из СССР, как невозможно было кому угодно поехать в Советский Союз. Эмигрантская литература на родине была в основном запрещена; с родины в эмиграцию можно было посылать книги довольно свободно, но отправка рукописей строжайшим образом запрещалась. Во-вторых: все, что касалось отношений эмиграции и родины, менялось во времени. Железный занавес опустился в 1946 г., но его пропускная способность была достаточно различной в 1950-х, 1960-х и т. д. годы. Поэтому всегда нужно уточнять, о каком именно периоде идет речь. В-третьих, мы говорим о тенденциях и общей направленности, но всегда были исключения. Ничто не действовало абсолютно, кроме, пожалуй, того, что в 1945-1956 гг. Железный занавес был почти непроницаемым, и, если кто-то/что-то проходило сквозь него, то посредником была рука органов здешних или тамошних. Но мы говорим не о них, а о литературе.

Когда первоначальный шок, тоска по родине и адаптация к концу 1950-х закончились, отношение эстонских беженцев, особенно эстонской интеллигенции к литературе, в т.ч. к отечественной литературе, так сказать, нормализовалось. Если для нас здесь современная эстонская литература была одним из немногих увлечений или отдушиной, то там жизнь предлагала и многое другое. То есть, людям было чем заняться, кроме того, чтобы читать книги из советской Эстонии, даже если они принципиально ничего против этого не имели. Хотя родственники посылали книги с родины многим, свидетельств о том, что их читали, немного.

Все то, что будет сказано далее, касается писателей, филологов, людей, интересующихся литературой, — то есть, сравнительно небольшой группы эмигрантов. Какого-либо общего знания и интереса к отечественной литературе в эмиграции не было, и произведения, изданные в советской Эстонии, зарубежные эстонские издательства не публиковали. Исключением было десятка

два произведения, например, творчество авторов, запрещенных на родине (Уку Мазинг, поэзия Аннуса Рявяла), или некоторые книги, заслуживавшие, по мнению издателя, внимания зарубежных эстонцев (повесть Мати Унта «Долг», факсимильное издание «Одного дня Ивана Денисовича», вышедшее в Эстонии — как своего рода курьез).

Итак: отношение к оккупированной родине, в том числе к эстонской советской литературе чаще всего определялось поколенческим аспектом. По преимуществу это отношение было отрицательным. Эстония была оккупированной страной, и там не могло появиться ничего заслуживающего интереса. Такая позиция преобладала в эмиграции на протяжении первых десятилетий. Писатели, родившиеся в XIX и начале XX века (граница проходит где-то после 1910 г.), остались на ней до конца. Если политически более ангажированные деятели старшего поколения отрицали режим на родине, в т. ч. и литературу яростно и не позволяли ее обсуждать публично, то для людей более либеральных взглядов негативная оценка определялась скорее психологическим неприятием. Она выражалась по преимуществу молчаливым игнорированием. Характерно, что Карл Ристикиви в своем дневнике упоминает присланные с родины книги только мимоходом, так что непонятно, читали ли он их. Когда в 1961 г. его просят написать статью о советской эстонской литературе, Ристикиви комментирует: «Мне трудно написать что-нибудь об этом, потому что меня расстраивает уже само ее чтение»³. По другим его текстам видно, что он иногда читает даже газеты советской Эстонии, но пропагандистская газета *Kodumaa*, попадающая в его почтовый ящик без всякой подписки, пробуждает в нем только отвращение⁴.

Ильмар Тальве (род. 1919), защитивший в Швеции докторскую диссертацию и работавший в Финляндии профессором этнологии, написавший в эмиграции несколько значительных романов, в трехтомной автобиографии, которая охватывает всю вторую половину XX века, не называет практически ни одного автора или произведения, изданного при советской власти. Все это поко-

³ *Ristikivi, Karl. Päevaraamat 1957–1968. Tallinn 2009. lk 237.*

⁴ Näiteks 2.07. 1966 kirjutab Ristikivi päevikusse — „Post tõi ainult selle vastiku Kodumaa“ — Päevaraamat lk 842.

ление (Антс Орас, Бернارد Кангро, Карл Ристикиви, Ильмар Тальве и др.) выросли в независимой Эстонии, которую отняли у них силой. Поскольку многие из них в первые годы эмиграции писали о первом советском годе в Эстонии (напр., А. Орас в книге «Baltic Eclipse», 1948), на родине их либо ругали, или просто замалчивали их существование и творчество. Естественно, никто из разделявших это отношение не приезжал в Эстонию до 1991 г. Литератор следующего поколения Хеллар Грабби описывал это так: «...плодотворная работа поколения и поставленная на твердые рельсы жизнь Эстонии оборвалась. Отъезд в эмиграцию был травматичным. Гнев по поводу вызвавших это и уничтоживших эстонскую свободу русских коммунистических оккупантов и их приспешников была огромным, порой даже ослепляющим. Возникло настроение *Götterdämmerung*'а, и в этих сумерках богов не видели и даже не желали видеть, как в Эстонии со временем все выше поднимало голову духовное сопротивление <...> Для нас изгнание было одновременно *Lehr- und Wanderjahre*, учебный рейс по большому миру. Мы хотели видеть и видели сквозь огонь и дым божьих сумерек пробуждение нового рождения Эстонии»⁵.

В поздние 1960-е позиции начинают поляризоваться. В Швеции при Кооперативе писателей готовится обзор истории эстонской литературы. Авторы - Бернارد Кангро (1910—1994), Арво Мяги (1913—2004) и Карл Ристикиви (1912—1977). Поэт и публицист старшего поколения Артур Адсон прослышал, что в историю литературы хотят вписать и обзор отечественной литературы. Для него это невыносимый акт коллаборационизма: «Мы оба совершенно не хотим оказаться под одной обложкой с красными писателями и еще меньше хотим видеть свои фотографии рядом с ними», — пишет в 1967 г. Адсон от своего имени и имени своей супруги Марие Ундер Б. Кангро, посылая одновременно копию и А. Орасу⁶. Это чисто эмоциональная точка зрения, но далее Адсон намекает, что продвижение писателей, живущих в Эстонии, может повредить им на родине (что было вполне справедливо). Позиция Антса Ораса такова: «По

⁵ *Grabbi, Hellar*. Vabal häälel. Mõtteid kahesajast eesti raamatust. Tallinn 1997. lk 188.

⁶ *Olesk, Sirje*. Pagulased ja „punane kirjanduslugu“ — Tuna 2002, nr 3, lk 78.

сути, это ведь нужно. Она <литература Советской Эстонии> существует, и нам нужно знать, что она собой представляет»⁷ Орас, литературовед и плодовитый критик, отнесся к вопросу как ученый. Как критик он писал рецензии и на эстоно- и на англоязычные издания, но современную литературу, издававшуюся в советской Эстонии, он не рецензировал. Его многолетняя интересная переписка с Иваром Иваском переходит в обмен вежливыми письмами именно потому, что Орасу не нравится восхищение Иваска отечественными авторами⁸.

Что касается рукописи истории эстонской литературы, то вначале было намерение сделать общий обзор. Есть следы предварительной работы в части, посвященной отечественной литературе. К. Ристикиви в 1966 г. прочел в Уппсала доклад «О положении литературы на родине» (и не опубликовал его). Арво Мяги в 1968 г. опубликовал статью «О предпосылках эстонской литературы здесь и там». Есть еще несколько статей о современной литературе на родине в журналах *Tulimuld* и *Mana*. И все же было принято иное решение: в 1973 вышла книга сразу трех авторов (Мяги, Ристикиви, Кангро) «Эстонская литература в изгнании 1944—1972». Из переписки следует, что часть о литературе советской Эстонии выпала по двум причинам: опасались бойкотирования других книг издательства, потому что доходили сведения о том, что читатели старшего поколения считают нежелательными какие бы то ни было обзоры «коммунистической литературы». Второй причиной было то, что хотя получить отечественную литературу и даже прессу было совсем не сложно, были трудности с их интерпретацией, так как понятно было, что без знания контекста невозможно адекватно оценить написанное, верно прочесть «между строк». И, наконец, не было уверенности в том, что власти на родине благосклонно отнесутся к тем писателям, к которым благожелательно отнеслись их «идеологические противники». Так что в конечном итоге проще было отказаться от этого замысла.

⁷ Ibid, lk 82.

⁸ Akadeemia kirjades. Ants Orase ja Ivar Ivaski kirjavahetus 1957—1981. Koostanud ja kommenteerinud Sirje Olesk. Tartu 1997.

Другую позицию, которую противоположная сторона прерзительно назовет «сосуществованием», представляет следующее поколение. Это литераторы, родившиеся в 1920—1930-х гг., получившие высшее образование уже за границей, но свободно владевшие эстонским языком и желавшие больше знать о стране своего детства. Они, достигшие зрелости в 1960-х, утратили веру в освобождение Эстонии (да и трудно было поверить в это в 1970-х гг.), и им был не по душе консервативный национализм старшего поколения. Наиболее активные из них охотно бывали на родине и, как выяснилось из открывшихся впоследствии архивов, становились легкой добычей для советских органов безопасности⁹. Но об этом ниже. Важно, что они стали требовать новых современных художественных ценностей в художественной литературе на эстонском языке и открыли обновленную и привлекательную литературу на родине. Среди них мало писателей создающих, они так и остаются молодыми писателями диаспоры. Наиболее замечательны двое из них: Хеллар Грабби (род. 1928) и Ивар Иваск (1927—1992).

Грабби в 1965—1992 гг. редактировал журнал *Мана*, подчеркнуто молодежный, актуальный, и в равной степени касался вопросов культуры на родине и в эмиграции. В советской Эстонии *Мана* был запрещенным изданием. Для поездок на родину Грабби пользовался содействием теневой организации КГБ под названием VEKSA, но позже вел себя нелюбезным для органов образом и в 1979 г. ему было отказано в визе¹⁰. Его литературные комментарии, где он рассматривал книги по обе стороны занавеса, десятилетиями зачитывали (под псевдонимом) и на радио Свобода¹¹. Старшее поколение эмигрантов за это нередко называло его «красным Грабби». Это было несправедливо, поскольку в идеологическом плане Грабби неизменно оста-

⁹ *Jürjõ, Indrek. Pagulus ja Nõukogude Eesti. Vaateid KGB, EKP ja VEKSA arhiividokumentide põhjal. Tallinn 1996, lk 230 jj.*

¹⁰ Грабби знал, что такое VEKSA, но признавался, что использует лишь предлагаемые этой организацией материальные блага (жилье, бесплатные поездки из Таллина и доступ на культурные мероприятия), но не позволяет формировать свои взгляды. Отсюда и визовый запрет на въезд в Эстонию в 1979—1988.

¹¹ Позже часть из них была опубликована в книге „Vabal häälel. Mõtteid kahe sajast eesti raamatust“. Tallinn 1997.

вался на четких позициях. В своих многочисленных рецензиях книг советской Эстонии в журнале и на радио он исходил, прежде всего, из критериев художественности, и, разумеется, они не были политически наивными. В 2010 он опубликовал книгу воспоминаний «Семь поездок на родину», где без лишней сентиментальности описывает свое общение с сопровождающими из VEKSA, ограничения, которые ему устанавливали, и собственную хитрость по преодолению их. Все это имело иезуитский оттенок, и Грабби прекрасно это понимает.

Ивар Иваск был профессором литературы в Университете Оклахомы и редактировал там международный литературный журнал «Books Abroad/ World Literature Today». Он был «первым и единственным послом общей культуры на мировом уровне, который когда-либо был у прибалтийских народов — и, можно опасаться, что был и последним. <...> Его «Baltic Elegies» (1987), написанные на английском, — уникальная декларация этнической независимости одного географического региона¹².

Став редактором, Иваск сразу создал в журнале объемный раздел прибалтийских литератур, где рецензировались произведения с обеих сторон. Если проследить библиографию Иваска, то он продолжал выступать в качестве рецензента в эстонских литературных журналах, а также в англоязычном Books Abroad еще до того, как стал редактором. По библиографии видно, как все больше и больше приковывают его внимание отечественные поэты — Пауль-Эрик Руммо, Яан Каплинский и Юхан Вийдинг; из прозаиков — Мати Унт и Энн Ветемаа. С ними и другими эстонскими писателями он встретился во время своей короткой поездки в Таллин в 1974 г. Судя по его дневнику поездки оказалась для него глубоко травматичным опытом: «Уныние, отчаяние. Серость. И в картине города, и в человеческом быту, и в душах людях, то есть писателей»¹³

¹² *Mikiver, Ilmar*. Eesti sõjajärgsest kirjandusest 1945—1975. Aja Kiri, 1977—1982. Цитата взята из Эпилога, который сохранился в рукописи (копия находится в редакции журнала Looming).

¹³ *Ivask, Ivar*. Olla need, kes me oleme. Katkeid päevikutest aastatel 1964—1992. Tartu 2007.

И все же эта травма еще вернее привязала его к отечественной литературе. Если для Грабби эстонская литература и политика была смыслом всей его литературной деятельности, то кругозор Иваска был значительно шире. В фокусе его интересов на первом месте были австрийская и испанская литературы, хотя дневник свой он вел на эстонском языке. К тому кругу немногих эстонских авторов, о которых он вообще писал, принадлежало больше писателей советской Эстонии, нежели эмигрантов. В письме Орасу он писал: «Эмигрантов все и повсюду терпеть не могут — это печальная истина. Но единая страна и ее народ — это реальность, которая действует. Даже если эта страна оккупирована и существует в путях чужой идеологии. Мы недостаточно оперируем этой реальной Эстонией — ни среди нашей молодежи, ни среди иностранцев»¹⁴.

Великой идеей Грабби была единая эстонская литература. В принципе то же когда-то выразил и Ристикиви, когда в первые годы эмиграции сказал, что стоит писать не беженскую литературу, даже не эстонскую литературу, а просто литературу. С 1970-х гг. становится все более понятным, что более интересная и свежая литература рождается главным образом на родине. В эмиграции с интересом следили за творчеством П.-Э. Руммо, Я. Каплинского, М. Унта, но знали и рецензировали произведения и многих других отечественных авторов. Вообще поэзию советской Эстонии считали лучше прозы. Пожалуй, только романы М. Унта восхищали современных зарубежных читателей, о них писали его сверстники и в англоязычных журналах.

В основном критики этого поколения писали об отечественных писателях в изданиях на эстонском и иностранных языках и таким образом поддерживали преемственность. Они писали о немногих, то есть о наиболее значительных произведениях и помогали, таким образом, сформировать убеждение, что, несмотря на политическую ситуацию, в Эстонии создается эстетически интересная литература. Первые попытки рассмотреть литературу, создававшуюся в разных контекстах как единую эстонскую литературу предприняли именно в эмиграции — когда в рецензиях сравнивали произведения обеих сторон. Более объемное синтетиче-

¹⁴ Ivar Ivask Ants Orasele 10.III 1969. Rmt. Akadeemia kirjades. lk 319.

ское исследование содержалось в эссе поэта и журналиста Ильмара Микивера «О послевоенной эстонской литературе 1945-1975», которое появлялось в 1977—1982 гг. в маленьком журнале *Aja Kirj* и конец которого уцелел лишь в рукописи.

Когда в Эстонии открылись архивы органов безопасности, выяснилось нечто неприятное для наивных «сосуществователей». Суровая реальность сохранившихся документов развеяла последние иллюзии об искренности или независимости официального общения советской Эстонии. Вначале в Эстонии вовсе не признавали эмигрантов. Когда бессмысленность их игнорирования стала ясна, для общения с ними в 1960 г. было создано особое учреждение VEKSA (Комитет по развитию культурных связей с зарубежными эстонцами), которое было ничем иным как теневой организацией КГБ.

Историк И. Юрьё в своей книге «Эмиграция и Советская Эстония. На основе архивных документов КГБ, ЭКП и VEKSA» показывает, как основательно органы контролировали любое общение с эмигрантами. Из активно общавшихся с родиной представителей второго поколения канадских, американских и шведских беженцев сформировали «актив VEKSA» и с его помощью проводили в жизнь т. н. стратегию нейтрализации эмиграции¹⁵. Целью этой стратегии было замаскировать тот факт, что Советский Союз вторгся в прибалтийские страны вопреки принципам международного права. Существовала основательная документация на тех эмигрантов, которые посещали Эстонию по приглашению VEKSA, в ней описывались их позиции, представлялись планы дальнейшего использования названного человека в интересах советской пропаганды, изучения других людей и т. д. В 1977—1983 гг. VEKSA организовала в Эстонии для эмигрантской молодежи четыре семинара по культуре, где изучался эстонский язык и рассказывалось об эстонской культуре. Впечатляло, как «корифеи науки и культуры советской Эстонии читали академические лекции на высочайшем уровне нескольким десяткам молодых зарубежных эстонцев, уже в силу своего недостаточного владения эстонским языком и слабых предварительных знаний не могли

¹⁵ *Jürjõ, Indrek. Pagulus ja Nõukogude Eesti, lk 249.*

воспринимать их должным образом»¹⁶. За этой с виду благородной целью стояло желание воспитать будущий лояльный актив и возможность завербовать сотрудников. Но и эта деятельность была амбивалентной, потому что на семинары приезжали и некоторые эстофилы-культуртрегеры из Германии или Финляндии, воспользовавшись прекрасной возможностью познакомиться с привлекавшей их эстонской литературой.

И, наконец, так сказать, третье поколение — родившиеся в 1950-х или даже 1960-х гг. Здесь произошло своего рода размежевание, в том числе и мировоззренческое. Т. н. исконные зарубежные эстонцы — Т. Х. Ильвес, К. Меэритс, А. Лепик и др. сконцентрировались вокруг издания *Rõrg!* (вышел один номер в 1988 г.). Их ровесники эстофилы (Корнелиус Хассельблат, Тапио Мякеляйнен и др.), которые скорее соблюдали дистанцию по отношению к эмигрантам, издавали журнал *Estonia* (1985—1990). Предисловие к сборнику *Rõrg!* от имени своего поколения написал Т. Х. Ильвес. Они манифестировали себя как новое (последнее?) поколение зарубежных эстонцев, утверждая: «К нему принадлежат те, кто ощущает себя эстонцем, но чье владение эстонским языком и знания об Эстонии недостаточны или вообще отсутствуют»¹⁷. В то же время честное сохранение наследства эмиграции для них имеет большое значение. С чувством благодарности они называют имена классиков литературы М. Ундер, Г. Суйтса, К. Ристикиви. Их уважение принадлежит и военному поколению, начавшему свой творческий путь в эмиграции (Тальве, Лепик, Лаабан, Лехисте и т. д.), сверстникам которого в Эстонии (Кросс, Каалеп, Каутвер) пришлось часть своей молодости провести в сталинских лагерях. По воспитанию и шкале ценностей здесь нет различий между оставшимися на родине и бежавшими с нее. Изменения произошли в том поколении, которое оказалось в эмиграции подростками или даже детьми. Они т. н. сосуществователи. Их позиция для авторов *Rõrg!* неприемлема. Ильвес указывает, что «эти общающиеся» ездят в Эстонию и любят тамашними писателями, но «к Карлу Ристикиви, Калью Лепику, Бернару Кангро и Марие Ундер довольно большая часть из них относится ничуть не лучше,

¹⁶ Ibid, lk260.

¹⁷ *Lepik, Aino. Põlvkondadest paguluses. — Rõrg!* (6. r.) lk 64.

чем Эндель Сьгель¹⁸. Каплинский и Руммо стали идолами этого поколения, из-за участившихся личных контактов оно впадает в умиление — знакомствами щеголяют, как охотничьими трофеями, в результате возник термин „эстонское национальное сафари“»¹⁹. Никак не принижая значения творчества отечественных писателей, подчеркивает Ильвес, участники этого сафари не видят общую политическую ситуацию на родине и дают себя обмануть предложенным VEKSA фасадом. Ильвес и его соратники напоминали о политической реальности и призывали не поступаться принципами. Политика была для них лучшим полем деятельности, потому что в качестве творцов эстонской литературы они уже были бессильны. Психолог по образованию Тоомас Хенрик Ильвес (род. 1953), который в молодости переводил эстонскую поэзию на английский язык и до сих пор занимается вопросами эстонского языка, в 1998 г. стал министром иностранных дел Эстонии, а в 2006 — президентом Эстонской Республики. Тревога этого поколения о сохранении эстонского начала как национальной идеологии и его антикоммунистическая позиция совпала с благоприятным временем: в Эстонии началась «поющая революция» и через некоторое время распался весь Советский Союз.

Эстофилы-редакторы журнала *Estonia*, напротив, никак не определялись политически. В этом отношении до освобождения Эстонии они были очень осторожны, но в своем издании, объединяющем и руководящем младшим поколением эстофилов, они широко представляли эстонскую культуру, особенно, напр., творчество Яана Красса в Германии и Финляндии.

Одна из читательниц отечественной литературы в диаспоре, сегодня профессор литературы Таллинского университета Тийна Кирсс (род. 1957) таким образом описала дилемму в отношениях эмигрантов с родиной: «...с одной стороны избирательная, но сочувственная открытость по отношению к явлениям культуры на

¹⁸ Эндель Сьгель был известен на родине как один из активнейших цензоров и идеологических стражей литературы. Был членом ЦК КП Эстонии, директором Института языка и литературы АН. Он решал, как писать академическую историю эстонской литературы и соответствующие статьи в «Эстонской советской энциклопедии». С ним консультировались и по всем вопросам, возникавшим при цензурировании эстонской литературы.

¹⁹ *Ilves, T. H. Niiuini! — Põrp! lk 12.*

окупированной Советским Союзом родине, с другой — принципиальное, даже категорическое отрицание всей отечественной культуры как „поруганной” и коллаборационистской»²⁰. Ее личный опыт подтверждает, что в действительности люди культуры в диаспоре знали отечественную литературу лучше, чем в этом признавались, потому что из-за давления окружения и политических принципов они не желали это манифестировать. Но и здесь время размывало жесткие границы. Когда ученые-гуманитарии эстонского происхождения (профессора И. Иваск, М. Янус, М. Валгемяэ, Т. Кирс и др.) рассматривали современную эстонскую литературу в международных изданиях, принципиальных идеологи эмиграции были с этим согласны. Ведь в 1970-х гг. было довольно ясно видно, что центр эстонской литературы, в сталинскую эпоху находившийся в эмиграции, в 1960-х сдвинулся в сторону родины, а к 1970-м окончательно закрепился в Эстонии. В эмиграции закончилось творческое начало, новое поколение уже не было креативным в языковом плане. Но если спросить как отечественная литература влияла на литературу диаспоры, то ответ будет: практически никак. К тому времени, когда литература на родине стала авторитетной, эмигрантская литература была уже близка к своему концу. Ведь в Эстонии не было свойственного русской литературе явления, когда талантливые авторы «сбегали» за рубеж, на Запад. Конечно, такие бегуны попадались и среди эстонцев, но писателей (кроме одного начинающего) среди них не было.

Эстонскую литературу 1944—1991 гг. чаще всего метафорически изображали как две ветви одного дерева. Ствол совершенно явно один, центральные классики — Койдула, Ундер, Суйтс, Туглас, а из более молодых особенно Альвер акцептировали обе стороны. Но ветви выросли врозь, и в известном смысле так врозь и существуют. Так, например, профессор эмигрантского происхождения Т. Кирс пишет не об объединении, а пока что о примирении двух канонов.

²⁰ *Kirss, Tiina*. Purustatud tamme harud. Kodueesti ja diasporaa kirjandussuhted. — Looming 1999, nr 5, lk 757.

До 1988 г. объединению мешала политика. Цензура советской Эстонии была настолько аллергична в отношении эмигрантской литературы, что когда в 1969 г. в Финляндии издали антологию современной эстонской поэзии, где были авторы с обеих сторон, то посылка ее в Эстонию была запрещена, а экземпляры, все-таки попавшие сюда, были помещены в спецфонд²¹. И когда в 1968 г. эстонский ПЕН-клуб (в те времена он находился в Америке) и Союз писателей Финляндии, схитрив, выдвинули на Нобелевскую премию сразу двух эстонских писателей: эмигрантку Ундер и жившего на родине классика Фридеберта Тугласа, в Эстонии эту номинацию просто замолчали. Ни в одной биографии Тугласа, изданной в советское время на родине, этот факт не упоминается.

Только после 1988 г., когда стали открываться спецфонды, выяснилось, насколько политизированным было существование рядом двух литератур. Писатели с двух сторон встретились впервые в 1989 г. на нейтральной почве, когда в Хельсинки с помощью финских эстофилов была организована встреча эмигрантских и отечественных эстонских писателей. Тогда же началась публикация на родине писателей-эмигрантов, а окончательное институциональное объединение на уровне писательских союзов произошло в 2000 г.

Институционально объединились. Если залогом примирения становится забвение, то и это прошло вполне успешно, потому что многие произведения, созданные в 1950—1970-х гг и в эмиграции, и на родине, теперь уже канули в Лету. Но что-то и осталось: из говорящего о прошлом эстонской эмиграции читателей более всего привлекают воспоминания и дневники того времени, которые теперь можно издавать в Эстонии. И поэзия Марие Ундер, Калью Лепика, Бернарда Кангро и Карла Ристикиви, которая стала национальной классикой.

²¹ 20 nykvyirolaista runoilijaa. Toimittaneet Raili Kilpi-Hynynen ja Arvo Turtiainen. Helsinki, Tammi 1969.